

Полина
Колозариди

Руина и инфраструктура: как изменяется интернет во время пандемии

Этот текст описывает приключения интернета во время пандемии. Он вдохновлен и пропитан диалектикой как способом понимать явления в их движении. Это связано с тем, что предметом интереса здесь является интернет: одновременно как понятие и явление. Георг Вильгельм Фридрих Гегель напрямую в этом тексте не цитируется, но я стараюсь следовать его принципам и предлагаю диалектику понимания интернета¹.

Обращение к диалектике позволяет мне рассматривать приключения понятия, обращаясь к разным текстам вокруг интернета, объяснения в которых производятся с помощью метафор. Научные и исследовательские метафоры интернета в данном случае я считаю столь же эвристичными и спорными, как и пользовательские².

- 1 Поэтому общей ссылкой к тексту будет: ГЕГЕЛЬ Г.В.Ф. *Лекции по философии истории*. СПб.: Наука, 1993, 2000. Я благодарю соучастников и соучастниц семинара по медленному чтению «Философии истории» Гегеля, без которых этот текст не мог бы осуществиться.
- 2 В этом подходе я следую за Дэниелом Миллером и Аннетт Маркхэм: MILLER D. *A Theory of a Theory of the Smartphone* // *International Journal of Cultural Studies*. 2021. Vol. 24. № 5 (<https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/1367877921994574>); MARKHAM A.N. *Disciplining the Future: A Critical Organizational Analysis of Internet Studies* // *The Information Society*. 2005. Vol. 21. № 4. P. 257–267.

ПАНДЕМИЯ/
ИНТЕРНЕТ +
МЕСТО

Я предлагаю увидеть диалектику изменения способов общения в пандемию не как противопоставление онлайн и офлайн (интернета и города) или глобального и локального. Этот текст предлагает ввести новые метафоры – руин и инфраструктур. При обращении к данным метафорам словосочетание «использование интернета» становится избыточной категорией и может быть заменено на «жизнь-с-интернетом».

Текст предназначен широкому кругу читателей³. Он проблематизирует политику в отношении интернета, соотношение онлайн и офлайн, ситуацию после и во время локдауна. Все это не требует специальных знаний об интернете, но позволяет понять, что происходит с интернетом, как соотносить с этим свое знание и практики. Начинается текст со сравнения интернета и города.

/ прелюдия. метафора пространства

выходя на улицы после снятия пандемических ограничений, многие горожане переживали удивление, вроде бы перед ними все тот же город, но они стали видеть его иначе.

похожее чувство переживаешь, сев на велосипед, переставая быть пешеходом. чуть меняется скорость. иначе чувствуешь рельеф и связь между районами. это изменение происходит вследствие смены позиции, способа наблюдения и переживания.

а в чем-то города изменились вне зависимости от позиций. закрылись многие кафе и магазины: не выдержали испытания режимом доставки. многие люди стали воспринимать торговые центры и очереди как источники опасности. в мегаполисах стало больше курьеров. иное значение приобрели скопления людей в транспорте. некоторые из этих изменений оцениваются как пугающие и новые.

мы наблюдаем не нейтрально; мы наблюдаем, оценивая. кто-то упорствует в нормализации: этот город – все тот же город, что был в 2019-м.

кто-то продолжает ошупывать каждое новое и тем самым усиливать изменения. возврата к прежнему, вероятно, уже не произойдет. многие начали забывать, что было до пандемии. тем, кто пошел в первый класс или стал впервые преподавать или работать в 2020–2021 годах, никогда не узнать, что такое офлайновый первый класс или выпускной.

3 Этот текст написан в ситуации, когда многие вещи возможны для исполнения и в онлайн, и в офлайне. В практическом смысле он может помочь варьировать то, как стоит производить отдельные практики.

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ

РУИНА И ИНФРАСТРУКТУРА:
КАК ИЗМЕНЯЕТСЯ ИНТЕРНЕТ
ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ

Полина Колозариди (р. 1987) – интернет-исследовательница, преподает в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» и в Национальном исследовательском университете ИТМО, координирует клуб любителей интернета и общества. Научные интересы – интернет-исследования, история технологий, философия знания.

кто-то будет говорить, что «настоящего» опыта этих событий у них не было. что «золотой век», где все было подлинным, – позади. кто-то – что вот оно, настоящее, что происходит теперь и с нами.

но пока, в 2021 году, «здесь и сейчас» все еще распознается как чрезвычайное положение. оно – чрезвычайное, даже если мы в нем надолго. за ним должно быть что-то другое.

«за ним» – значит после него, как после войны возвращаются к «нормальной жизни». но в случае пандемии возвращения не происходит как отдельного от самого положения процесса. масочный режим – это и есть способ вернуться к нормальной жизни. вот только сам собой, даже незаметный, он меняет представление о норме.

оппозицией этому изменившемуся пространству физической реальности должен был бы стать интернет. в нем все как будто стабильно.

но, возможно, интернет изменился еще сильнее, но мы пока этого не понимаем.

не понимаем, потому что интернет вроде как у каждого свой. и вместе с тем – более общий. в нем все единообразно. нет разных кабинетов и комнат. все заходят в одни и те же зум-комнаты или открывают мессенджеры с минимальной персонализацией, продуманной корпорациями.

да, зум заменил скайп.

но разве это важно в сравнении с тем, что впредь университета, который вовсе бы обходился без онлайн-комнат, мы скорее всего не увидим? да, миллионы людей стали из спорадических пользователей – постоянными. но разве это сравнится с тем, как меняется, например, рынок труда?

мой ответ на оба эти вопроса – да.

интернет как понятие и явление изменился.

гипотеза этого текста в том, что интернет стал частью общей жизни.

рассматривать его в качестве отдельного пространства или инструмента, а также специфического объекта со своими правилами регулирования и происхождения более не имеет смысла.

как одновременно признать изменение реальным и распознать его множественность?

я предлагаю для начала разделять интернет и город как разные способы социального взаимодействия. во время локдауна они стали противопоставляться друг другу, но оказались ли более близкими и какую роль в этом играет пандемия – пока не ясно.

/ пандемия + интернет. гибридизация, уничтоженная системой

основные действующие слова текста

пандемия – это не только заболевание, а эпидемия мирового масштаба, социальное, медицинское и политическое явление.

интернет – это и технология, существующая как часть пользовательских практик, и пространство, в котором разворачиваются события, и инструмент общения. все эти разные элементы, а также образы, окружающие само понятие, – и есть интернет.

понятие – то, что мы познаем, договариваясь о значении слова.

явление – то, с чем мы имеем дело в ситуациях.

осуществление – когда понятие применяется в мире знания или повседневности.

ситуация – место и время осуществления понятия.

1. Пандемия и интернет – созданы друг для друга.

Но их близость неизбежно влияет на них и меняет обоих. Пандемии без интернета не было бы в тех формах и масштабах, в которых это происходит. Интернет, направленный в каждую организацию и общность силами регуляторов, установивших новую, пандемийную, норму, неизбежно изменился.

2. Сочетание интернета и пандемии производит гибридную ситуацию.

Понятие «гибридности» в отношении технологий описано в тексте «Манифест киборгов» Донны Харауэй. В нем идет речь о том, что сочетание человека и машины бросает вызов следующим оппозициям:

«Культура/природа, мужское/женское, цивилизованный/первобытный, реальность/видимость, целое/часть, деятель/ресурс, делатель/сделанное, активное/пассивное, правильное/неправильное, правда/иллюзия, тотальный/ частичный, Бог/человек. [...] Культура высоких технологий интригующим образом бросает вызов этим дуализмам. В отношении человека и машины нет ясности, кто делает и кто сделан. Нет ясности, что есть дух и что тело в машинах, сводящихся к практикам кодирования»⁴.

3. Понятие гибридности (по Донне Харауэй) не изменило этих оппозиций.

Текст Харауэй – манифест, он предлагает увидеть и предъяснить как программу: гибридизация может поколебать эпистемологические и политические основания мира.

⁴ ХАРАУЭЙ Д. Манифест киборгов // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000. М.: РОССПЭН, 2005. С. 361–361.

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ

РУИНА И ИНФРАСТРУКТУРА:
КАК ИЗМЕНЯЕТСЯ ИНТЕРНЕТ
ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ

Но в мире, вроде бы гибридном, мы продолжаем говорить «система», «пользователь» вопреки идеям Харауэй. Как будто мы в самом деле можем отделить «социальное» и «технологическое», себя как «человека» и как «пользователя», мир как «вообще мир» и «мир, устроенный технично».

Приставки «онлайн» или «цифровой» уменьшают революционный потенциал понятия гибридизации. Говорят, что есть образование – а есть онлайн-образование, есть письмо – а есть цифровое письмо. Но значение этих приставок вроде бы отсылает к технике, хотя на деле часто связано не с ней, а с бюрократическими институтами или скоростью общения.

Обещая нечто новое в своей гибридности, эту якобы-кибер-приставку внедряют все те же старые институты, реплицируя себя «в цифре».

Приставки «онлайн» или «цифровой» уменьшают революционный потенциал понятия гибридизации. Значение этих приставок вроде бы отсылает к технике, хотя на деле часто связано не с ней, а с бюрократическими институтами или скоростью общения.

4. Понятие системы поглотило понятие гибридности и политически его переопределило.

Гибридность не объясняет сегодняшнюю ситуацию из-за того, что она уже встроена в другую метафору. Это метафора системы, которую «киборги» унаследовали от кибернетики, тесно связанной с теориями систем. Система включает в себя живое и неживое, но, в отличие от гибридности, она предполагает, что нечто целостное существует и живет. А когда теряет целостность – меняется или умирает. Гибридность усиливает метафору системы, так как предлагает говорить одновременно о двух сущностях, которые могут составлять целое, не меняя своего содержания. Поэтому вместо изменений, предположенных Харауэй, интернет и «цифровое» заставляют сохранять прежние понятия.

5. Но в конкретных ситуациях эти понятия не являются противоположными.

Различия не лишены смысла для того, чтобы в чем-то разобраться. Но они не помогают, когда мы пытаемся признать сложность переплетения⁵. Да и в повседневной речи скорее обманывают. Например, разговоры о том, что техническое за-

5 Подробнее о сплетении и плетении см. в беседе с Аннетт Маркхэм в этом номере «НЗ».

меняет социальное. Если мы говорим, что человек все время «залипает» в *Instagram* и из-за этого чувствует свою жизнь ничтожной, мы едва ли можем по-настоящему понять, в чем проблема. Проблема в том, как устроено приложение, понуждая все дальше и дальше пролистывать картинки и разглядывать жизни других людей? Или дело в круге общения? Или *Instagram* заменил журнал о знаменитостях и мы имеем дело с проблемой нашей привычки к медиа о красивой жизни? В повседневности эти вопросы редко становятся предметом планомерной рефлексии. Отчасти это происходит потому, что это означало бы отказ от привычной дихотомии онлайн/офлайн, социального/технического.

Возникает иллюзия, будто признание дихотомии как-то позволит понять ситуацию. Но это не так. Не помогает и гибридность, так как она предполагает, что отдельные элементы все же существуют отдельно.

6. В 2021 году нет отдельного интернета и отдельной пандемии.

И вопрос о том, как именно интернет изменился во время пандемии или как он повлиял на ее ход, лишен смысла. Мы не можем говорить об интернете в сослагательном наклонении. Мы не знаем, каким он мог бы быть в наши дни, если бы пандемии не было. Можно сказать, для простоты, что интернет теперь навсегда с коронавирусом и ничто его не излечит.

Пандемия так же не могла бы стать тем явлением, которым она стала в 2020–2021 годах, если бы был невозможен переход к удаленным работе, учебе, доставке еды, оказанию услуг, подписанию договоров. Пандемия – это то, что стало возможным только с интернетом⁶.

7. Но взаимосвязь понятий не объясняет изменений, и, чтобы понять различия, недостаточно прежних понятий.

Само утверждение о взаимной связи интернета и пандемии – равно как социального и технического – не решает вопроса о том, что произошло с интернетом. Он существовал и до пандемии, а во время локдауна стал во многих пользовательских практиках более очевидным. Для верующих людей проблематично признать, что церковная служба в зуме, та же, что и в церкви⁷. А онлайн-образование не такое же, как учеба в аудиториях.

6 Но изменения реализуются в каждой стране и организации по-разному, в зависимости от режима локдауна, существующих сервисов и пользовательских практик. В разных частях мира разработаны разные вакцины. Протоколы по их признанию между странами пока только разрабатываются. Слово «протокол» здесь не случайно, оно отсылает к разным сетевым протоколам, которые были распространены до появления интернета – основанного на объединившем их протоколе TCP/IP.

7 Подробнее об этом см. статью Дарьи Радченко в этом номере «НЗ».

Допустим, приставки «онлайн» или «цифровой» потеряли свою эмансипаторную силу, которую имели когда-то. Сами по себе они значат лишь то, что нечто происходит с участием интернета. Интернет в этой ситуации не освобождает от прежних бинарных оппозиций, а встраивается в них. Метафора гибридности начинает подводить: ведь сочетающиеся элементы уже не чужеродны.

Но где же цифровые аборигены, обжившие пространства, лишенные диктата «гигантов из плоти и стали»?⁸ Неужели интернет после пандемии – это интернет, насажденный государствами и корпорациями? Становится ли он радикально другим, чем тот, что вольно распространился по городам и весям?

/ вопросы власти. метафора руины

8. Чтобы понять интернет, нужно обратиться к его истории.

Все эти вопросы, вроде бы происходящие из момента, из «здесь и сейчас», могут обрести ясные ответы, если иметь в виду историю. Ту историю, которая может показать разницу между старым и новым, учитывая масштабы.

Финального ответа о том, что произошло с интернетом за время пандемии, вероятно, мы не получим. Для этого нужна большая дистанция во времени. Но можно продумать интеллектуальный фильтр, который позволит определить, где – руины прежних миров, онлайн-овых или офлайн, а где – остовы возникающих или длящихся.

Ответить на этот вопрос нужно не столько ради интеллектуальных, сколько ради практических вопросов. Чтобы упорствовать в желании оставаться онлайн или возвращаться в офлайн, имеет смысл уяснить разницу между ними. Уяснять – глагол несовершенного вида. Он предполагает, что мы можем продолжительно и методично иметь в виду напряжение, существующее в конкретных практиках, от совещаний до переписки с возлюбленной. Это напряжение остается, проявляясь в сочетании руин и инфраструктур, которые на них громоздятся.

9. Часть интернета представляет собой руину.

Руинами могут быть и прежние цифровые, и аналоговые способы собираться и осуществлять коллективную деятельность. Но различие руин и практик в действующих инфраструктурах диалектически меняется.

Руины – то, что порой приспособливается под другие практики, теряя свое прежнее значение. Потеря прежних функций может быть разной: часть объектов становится искусством и помещается в музеи (как старинные фонари), часть – становит-

8 См.: BARLOW J. A *Declaration of the Independence of Cyberspace* [1996] (www.eff.org/cyberspace-independence).

ся элементом для чего-то другого (как столб, некогда установленный для линий телеграфа, используется для электрического кабеля). Часть таких переиначиваний не обретает статуса «нового», а рассматривается как продолжение или порча. Часть – функционирует под знаменем новизны. Но они не являются новыми, поскольку работают на основании прежде разрушенного, не-целостного.

Интернет, если рассматривать его в рамках канонической истории – впрочем, весьма спорной⁹, – оказался во время пандемии как раз руиной. Не весь интернет, конечно, а в определении единой, глобальной, распластанной по городам и странам сети.

Отдельные его элементы при этом включены в действующие практики. Работая как «глобальное киберпространство», он одновременно оказывается и частью обеспечения повседневной работы государственных и частных предприятий, институтов образования, учета привившихся и уклонившихся граждан и так далее.

10. Руина – это не то, что исчезает, но то, что изменяет свое действие.

Впрочем, как это бывает в случае активного передельвания руин больших технологических систем, их пользователи тоже не остаются прежними. Простой пример – судьба древнеримских акведуков и жилых домов в Средние века. Они не использовались по назначению, а становились мостами или хозяйственными постройками. Но оставались своего рода миной замедленного действия, которая будет романтизирована и эстетизирована несколько веков спустя. Устройство средневековых городов было, безусловно, другим, чем в Риме, но легитимность Рима и римского способа управления во многих местах действовала столетиями. Конечно, я не утверждаю, будто причины этого были только в элементах зданий, ведь инфраструктуры знания и власти во многом не менее материальны.

11. Руина становится частью инфраструктуры, не будучи ее элементом и не действуя, как задумано.

Обращая этот пример на интернет и современную ситуацию, мы видим, как колоссальная по своему масштабу глобальная технология, наследующая и научно-техническим достижениям, и утопиям XX века, становится частью инфраструктур национальных государств. Ведь именно они оказываются, в конечном счете, ответственными за своевременность медицинской помо-

⁹ Подробнее об этом см.: Дрисколл К., Палок-Берже К. *В поиске недостающих историй сетей* // Неприкосновенный запас. 2020 № 2(130). С. 55–71; Юлдашев Л. *Тонет: реконструкция одной истории* // Неприкосновенный запас. 2020 № 2(130). С. 72–94.

щи, работу банков и установление санитарных норм¹⁰. А значит, за организацию действующих инфраструктур. Действующих – тех, которые позволяют практикам осуществляться без «швов» и проблем.

И, конечно, расшифровки требует слово из XIX века, актуализировавшееся в конце прошлого столетия, – инфраструктура. Я называю так сейчас не только водопровод и электричество, но и институты, обеспечивающие связность людей между собой¹¹. Значит, это уже обращает нас к другому статусу граждан как пользователей услуг, которые они предоставляют друг другу. Ужели мы друг другу – теперь водопровод?

12. Кто может включить руину в действие инфраструктуры и действительно ли национальные государства – это те самые агенты, что существовали до пандемии и распоряжались своими территориями, превращая их в условия и ресурсы существования населения? Ведь в использовании интернет-сервисов заложены экономические логики ситуации их производства: например, способы подсчета данных и уравнивания показателей в них. Оказываются ли сами государства здесь – так же гибридами, в которых руины идеи национального государства смешиваются с современными корпорациями? Или руинированы уже и государства, и корпорации?

Чтобы ответить на эти вопросы, стоит подробнее разобраться в логиках действия институций, которые ими распоряжаются. Например, не вполне ясно, в какой степени российское Министерство цифрового развития наследует Министерству связи, к которому с десятков лет назад добавились массовые коммуникации¹².

13. Внедрение инфраструктур происходит в конкретных ситуациях.

И, конечно, мы не можем говорить об универсальности на уровне отдельных стран. Ведь, возможно, меры ведения онлайн-практик во время локдауна, вроде бы повсеместные, оказались нечувствительными к контексту. Они оставляли зоны ненахо-

10 Конечно, государство не единый и неделимый субъект, несущий ответственность за все, что происходит в разных частях страны или районах города. Из разговора с Дмитрием Серебренниковым (см. публикацию в этом номере «НЗ») можно предположить, что государство с трудом координируется в нечто единое, но всегда не вполне целостное. Наряду с ним ответственность могут нести «ученые» или «медики», но вопрос к тому, как распределяется и устраивается ответственность за инфраструктуры, не делегируется полностью никаким акторам, кроме «государства». Поэтому при всем множестве кавычек и политических неопределенностей, которые вызывает этот тезис, едва ли я могу заменить его чем-то, хотя была бы рада поставить под вопрос.

11 Такой ход разработан в исследованиях Кристиана Сэндвига о платформах как инфраструктуре и об интернете как инфраструктуре инфраструктур: SANDVIG C. *The Internet as Infrastructure // The Oxford Handbook of Internet Studies*. Oxford: Oxford University Press, 2013.

12 Эти вопросы еще не исследованы, и надеюсь, ситуации вроде нынешней смогут подтолкнуть к этому.

димости в селах, поселках и поселках городского типа, где пандемия осталась страшным мифом из больших городов, не слишком отличаясь от вышек 5G, и которые при сокращении внутренней и внешней мобильности оказались вовсе изолированными. За недостатком исследований по России здесь нужно обратиться к изучению пандемии на «глобальном Юге»¹³.

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ

РУИНА И ИНФРАСТРУКТУРА:
КАК ИЗМЕНЯЕТСЯ ИНТЕРНЕТ
ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ

14. Конкретные ситуации изменяют интернет в целом, так как они определяют, что – руина, а что – инфраструктура.

Итак, если дело не в том, что изменился интернет, то изменились способы управления и утверждения власти. Тут речь идет и о политической власти (кто решает, каким быть интернету, и реализует это решение), и об эпистемологической власти (кто вводит/оспаривает понимание того, что такое интернет).

Меры ведения онлайн-практик во время локдауна, вроде бы повсеместные, оказались нечувствительными к контексту. Они оставляли зоны ненаходимости в селах, поселках и поселках городского типа, где пандемия осталась страшным мифом из больших городов, не слишком отличаясь от вышек 5G.

Часть из них унаследована из прошлого, а значит, размышляя о том, что предпочтительно делать онлайн или офлайн, стоит иметь это в виду. В каждом случае я предлагаю вести речь не о гибридности, а о сочетании руины и инфраструктуры. Это сочетание функционирует, продолжая включать руину в порядок управления и осуществления событий.

/ вопрос о концепциях. диалектика

15. Понимание интернета возможно с учетом этих изменений.

Если рассматривать все эти вопросы как возникшие только по случаю пандемии, мы могли бы решительно согласиться с тем, что все сложно, а прежние понятия потеряли связь со своими значениями. Это бы как нельзя лучше соответствовало ощущению раз и навсегда изменившегося мира, в котором нас предают некогда привычные и рутинные практики, слова и чувства безопасности. Такое ощущение близко ностальгии по прежнему миру четких понятий, бесконечному «золотому веку», а также позволяет спокойно опустить и умыть руки.

13 См. обзор Дмитрия Муравьева на сборник «COVID-19 from the Margins. Pandemic Invisibilities, Policies and Resistance in the Datafied Society» (2021) в этом номере «НЗ».

Но у этого текста и меня – его автора – другое предложение: раз-автоматизировав их, обрести возможность не потерять «жену, шкаф и страх войны»¹⁴, а понять их заново.

Ведь, возможно, изменился не интернет, а наша позиция в онлайн и офлайн. Наша – пользователей, исследователей, людей, заинтересованных в познании того, что происходит. И здесь, переместившись, нам нужно заново спросить себя о том, что происходит.

16. Изменение заключается в смещении знания быстрее, чем самих объектов.

Но стоит иметь в виду, что пишу я из ситуации со «смещенным центром тяжести». Пандемия не заканчивается, в России ежедневно больше зараженных, чем в 2020 году.

Пишу, как пишут голосовые сообщения на ходу, пишу, как чтятся, переходя дорогу, не обращая порой внимания на автомобили и рискуя быть ими сбитыми. И так, я пишу из интернета и города одновременно – точно так же, как этот текст может читаться вами с экрана, но находитесь вы в конкретной ситуации.

17. Онлайн и офлайн не находятся в оппозиции друг другу.

В этой ситуации действуют разные способы общения, в частности – онлайн-овый и офлайн-овый. Они отличаются по тому, как устроены отношения между людьми: по принципу связи «здесь и сейчас» или «везде и когда-то». Если бы это было текстом лекции, ее услышали бы только в каком-то конкретном месте. Но если бы она была записана, то включилась бы ситуация «везде и когда-то»¹⁵. Но эта конкретная ситуация дает столь же конкретное значение абстрактной технологии. И наоборот, абстракция «тупления в *Instagram*» или «рутинная проверка почты» становится конкретной, когда мы понимаем, что такое интернет.

Цифровые технологии, по выражению антропологов Дэниела Миллера и Хизер Хорст, интенсифицируют диалектическую природу культуры. Эта диалектика отсылает к отношениям между ростом универсальности и партикулярности и внутренней связью между их положительными и отрицательными эффектами¹⁶. Возвращаясь к примеру с *Instagram*, мы можем понять, что само приложение универсально, оно универсальней, чем газеты о жизни знаменитостей или наблюдения на главной улице города. Но содержание этой практики может отличаться сильнее у людей из разных мест, поколений и социальных

14 Шкловский В.Б. *Искусство как прием* // Он же. *О теории прозы*. М.: Круг, 1925. С. 7–20 (www.opozajaz.ru/manifests/kakpriem.html).

15 «Везде» тут имеет свои ограничения, так как не в каждом населенном пункте есть точка доступа, позволяющая, например, смотреть ролики на *YouTube*.

16 HORST H.A., MILLER D. (Eds.). *Digital Anthropology*. London: Routledge, 2020.

групп. И действительно отличается – как мы видим по исследованиям того же Дэниела Миллера¹⁷.

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ

РУИНА И ИНФРАСТРУКТУРА:
КАК ИЗМЕНЯЕТСЯ ИНТЕРНЕТ
ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ

18. Мы также не можем сказать, что интернет – это нечто противоположное городу.

Интернет не виртуален, как не виртуально наблюдение за перемещениями горожан, у которых обнаружен коронавирус. Им разрешено отходить от места проживания не больше, чем на сто метров, они зафиксированы в национальных и городских информационных базах. Интернет позволяет иной способ наблюдения (и значит, включает описанные выше пересобранные отношения власти). Точно так же он позволяет иначе общаться, игнорируя физическое пространство, но не противопоставляясь, а дополняя его. Это делает городское пространство более отчетливым и иначе сегментированным.

19. Интернет осуществляется, во многом продолжая быть прежним понятием – глобальной сетью.

Но постепенно это прежнее понятие осуществляется и меняется. Следующим шагом должно стать обращение к тому, где возникают новые противоречия, понимая, что разрешить их, по-прежнему говоря «все смешано», уже невозможно.

Простой ход в этом совершается через переворачивание, отрицание. Так Джорджо Агамбен пишет о происходящем во время локдауна как об укреплении и централизации власти государств, расчеловечивающей общество:

«Законно задать вопрос, можно ли еще определить такое общество как человеческое или утрату непосредственного общения, лица, дружбы, любви можно реально компенсировать абстрактной и, предположительно, абсолютно фиктивной безопасностью для здоровья?»¹⁸

Интернет демонизируется и абстрагируется, одновременно отдаляясь и от тех практик, в которые включен, и от концептуальных подходов к тому, чтобы понимать его в связи с другими понятиями¹⁹.

Возможно, это первый ход отрицания уже гибридного способа осуществления понятия и способа жизни. Но что значит здесь этот «способ жизни»?

17 MILLER D. ET AL. *How the World Changed Social Media*. London: UCL Press, 2016.

18 АГАМБЕН ДЖ. *Биобезопасность и политика. Центр политического анализа*. 2020. 11 мая (<https://centerforpoliticalanalysis.ru/position/read/id/biobezopasnost-i-politika>).

19 С тем, чтобы рядоположить интернет с чем-то, не имеющим в виду его «трансформирующей» роли как таковой, все непросто. Интернет-исследования как отдельная субдисциплина указывают на эту «неопируемость» своего ключевого объекта. Подробнее об см.: Колозариди П. *Интернет-исследования: исторический обзор и анализ производства знания* // Социология власти. 2018. Т. 30. № 3. С. 69–92. Здесь я пыталась показать, что интернет воспринимается исследователями и как самостоятельный объект исследований, и – в немалой степени – как нечто, меняющее существующие объекты.

20. Интернет перестает быть отделенным от жизни.

Чтобы описать интернет в жизни пользователей после локдауна, нужно перечислить огромный список практик и явлений, краткую версию которого я привожу ниже.

Но главное – все это ставит под вопрос само словосочетание «интернет в жизни пользователей». Если интернет не отделен от жизни, являемся ли мы все еще пользователями или имеем дело с другим типом отношений? Или культура и техника, о пагубной раздельности которых сокрушался Жильбер Симондон²⁰, оказались близки, хотя не вполне очевидным образом?

/ краткий и неполный список

того, что связано с изменениями статуса интернета в быту и обществе:

- организация общественного питания,
- сексуальные практики с гаджетами дистанционного управления,
- психологическое состояние пожилых учительниц младших классов,
- благосостояние компаний, занятых доставкой еды,
- зарплата сотрудника турбюро,
- запрет выкладывать видеозаписи спектаклей в общий доступ,
- расписание школьных автобусов, возивших детей из мелких сел в более крупные населенные пункты,
- квартирники,
- экскурсии в «родовые поместья» в лесу,
- опасения философов относительно телесной близости людей,
- возможность влюбиться в изображение человека на экране,
- необходимость поддерживать стабильность интернет-связи в школах,
- мемы с котами на совещаниях,
- ощущение, что Христос воскрес, когда сидишь перед монитором.

Что именно значат эти изменения и насколько они касаются именно интернета, я рассмотрю в последней части.

/ обратный ход

21. Фрагментация интернета осуществляет его как понятие.

Повсеместное распространение интернета во время пандемии не сделало его действительно глобальной сетью, а стало ощутимо предъявлять и противоположную тенденцию. Не глобализацию – а фрагментацию. Интернет как понятие претерпевает ту же трансформацию содержания, какую когда-то пре-

20 SIMONDON G. *On the Mode of Existence of Technical Objects*. Minneapolis: Univocal Publishing, 2017.

терпело слово «революция» (из обозначения постоянного вращения оно стало синонимом движения в радикально новое).

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ

РУИНА И ИНФРАСТРУКТУРА:
КАК ИЗМЕНЯЕТСЯ ИНТЕРНЕТ
ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ

22. Интернет становится обратным тому понятию, которым он был.

Появившийся когда-то как символ объединения необъединимого, продолжение утопических проектов XX века, он стал почвой их могил, из которой растут новые цветы, пусть и с душком прежних трупов.

Сравнение с революцией неслучайно. Движение понятия «интернет» имеет принципиальное значение по отношению к проектам Современности. Интернет в некотором смысле противоположен революции. Это изменение, подготовленное прежними десятилетиями его существования²¹, вполне обозначилось во время пандемии²².

Оба они являются результатами конкретного знания об обществе и политике, необходимости устраивать их тем способом, который позволит включать в принятия решений об общей жизни тех, кто не был включен. Но способы этого включения радикально отличаются. Интернет утверждает возможность связи каждого с каждым как базовое свойство, которое может происходить через протоколы, без «швов» и повсеместно. Революция означает открытость к не существовавшим и невозможным до этого способам взаимодействия.

Повсеместное распространение интернета во время пандемии не сделало его действительно глобальной сетью, а стало ощутимо предъявлять и противоположную тенденцию. Не глобализацию – а фрагментацию.

23. Интернет стал инфраструктурой и появляется в ситуациях как часть других систем.

Раньше вместе с интернетом приходили и локальные, и глобальные смыслы, которые пользовательницы²³ приспособили к своим нуждам. Сейчас интернет-общение неизбежно,

21 Перечисленные в предыдущем списке явления существовали, конечно, и до пандемии, но способ их сочетания с офлайном был во многих случаях другим: в основном более добровольным и зависящим от желания пользователей.

22 Я полагаю важным привести здесь комментарий Дмитрия Муравьева, возникший при подготовке номера: интернет-как-образ-жизни, реализованный в пандемию, и революции рождаются в своей подготовленности историей и одновременно с тем событийным характером, в том смысле, в котором о событиях говорят философы, например, Бадью А. *Можно ли мыслить политику*. М.: Логос, 2005. С. 53–60).

23 Именно так в тексте. Автор хотела, чтобы читатель «споткнулся» о неожиданно возникший феминитив. – *Примеч. ред.*

если человек хочет сохранить свои связи с институтами, обществом, государством.

Осталась ли все еще агентность пользователей? Можем ли мы, как оптимистично заявлено в начале текста, выбирать способы взаимодействия или обречены на то, чтобы быть встроенными в машины биополитики?

24. Пользователи стали объединяться и сопротивляться некоторым элементам интернета как системы.

Частично смысл происходящему люди придают через сопротивление. Это и отказ от прививок: из недоверия к большим институтам государства и медицины. Это и, в свою очередь, реакции на рост антипрививочных настроений и сопротивление им. Это студенческие и школьные протесты – в связи с тем, что онлайн-преподавание, построенное на материалах из интернета, не стоит заплаченных за него денег, а оценки не показывают действительного уровня знаний и навыков.

Все это во многом является попытками замедлить изменения, оставить возможность для индивидуального действия и агентности отдельных людей. Замечу, что почти нет попыток радикального сопротивления и заявлений о том, что каких-то технологий попросту не должно быть. Даже походы на вышки 5G не заканчиваются их разрушением, а чаще остаются достоянием городских легенд. Неслучайно мнение многих интеллектуалов, что текущие меры, принятые государством, – это усиление биополитики и контроля, которые оставляют все меньше возможности для прежних видов протеста и других способов политической жизни.

25. Пользователи продолжают фрагментацию интернета.

Другой смысл возникает и вне сопротивления, а в работе с существующей гибриднойностью, ее развитием.

Для того, чтобы сохранять агентность и иметь возможность действовать осмысленно, а не только подчиняться крупным машинам, люди осваивают навыки, которые раньше принадлежали активистам и продвинутым пользователям. Это рефлексия жизни в интернете как социальной жизни самой по себе: своих сетей онлайн-общения, норм, существующих в них, конфликтов, возникающих в интернете, которые не ограничены лишь интернетом. Это обращение к альтернативным сервисам, которые могут выполнять сходные функции. Это развитие активистских инициатив в альтернативных, локальных, мэш-сетях. Наконец, это рефлексия того, что происходит с данными, которые каждый человек производит и оставляет в интернете. Тем самым «единый» интернет фрагментируется дальше – на уровне конкретных практик. Это позволяет создавать зоны не-

находимости не только там, где интернета нет, но и там, где он есть. Правда, это уже другой интернет, а точнее, множественные интернеты.

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ

РУИНА И ИНФРАСТРУКТУРА:
КАК ИЗМЕНЯЕТСЯ ИНТЕРНЕТ
ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ

26. Фрагментацию сложно остановить, но ее можно возглавить.

Точнее, можно выработать тот тип понимания мира, в котором *интернеты* множественны. Такой тип понимания позволяет жить, не обращаясь только к прошлому в поисках идеального потерянного рая. Это значит, что само устройство знания и познания тоже может потерять централизацию. И то, что сегодня оказывается знанием «сверху», экспертным, может стать общим.

Особенность интернета здесь в том, что он не создан внешними силами, а обретает смысл только в практиках использования. У него нет иной функциональности или смысла, который назначен не-пользователями. Это происходит и с интернетом как явлением в жизни людей и как с понятием в описаниях его.

27. Интернет как понятие требует пересмотра.

Но если с интернетом в быту разобраться еще возможно, то с интернетом как понятием все остается непростым. Его прежнее значение как Глобальной Сети и Провозвестника Демократии не исчезло, оно по-прежнему действует, так как интернет не есть нечто целостное, существующий глобальный интернет сейчас функционирует как руина.

Признание этой метафоры позволит проститься с различием на онлайн- и офлайн-пространство как нечто противоположное.

28. Базовые метафоры используются одновременно.

Интернет-исследовательница Аннетт Маркхэм предлагает три базовые метафоры: интернет как пространство, как инструмент и как способ быть (*way of being*)²⁴. Все они используются подчас одновременно. Мы «выходим в интернет», чтобы использовать его функции, так как это неотторжимая часть нашего быта и жизни. Я предлагаю заменить ее на метафору жизни-с-интернетом.

29. В ходе изменения интернета меняется также оппозиция пользователи/технология.

Наконец, стоит обратиться к истории интернета, имея в виду ее пользовательские перспективы, так как это единственный ответ на вопрос «Чья это история?», предполагающий вариативность ответа, а не единственное указание на крупные корпора-

24 MARKHAM A.N. *Metaphors Reflecting and Shaping the Reality of the Internet: Tool, Place, Way of Being*. Paper presented at the 4th annual conference of the International Association of Internet Researchers. Toronto, 2003 (<https://annettemarkham.com/writing/MarkhamTPW.pdf>).

ции и государства. Правда, в результате этого обращения велик шанс потерять понятие «пользователя» как нечто ценное²⁵.

/ послесловие. метафора метафоры

30. Осуществление понятия происходит через осуществление метафор, которые теряют свою метафорическую роль.

Изменяя элементы понятия интернета, я предлагаю переосмотреть базовые метафоры, связанные с ними. В первую очередь это метафора интернета как пространства и/или объекта использования, связанного с человеком как пользователем. Вторая метафора интернета – как глобальной сети. Вместо нее я предлагаю рассматривать интернет и как локальную инфраструктуру, которая включает и население стран, и технические объекты, и бюрократические правила. Глобальная сеть в таком случае остается понятием-руиной, которое может существовать, подобно древнеримской руине, ожидая своего Ренессанса.

Политическая роль интернета и онлайн-платформ как способов эмансипации также достойна уточнения. Революционность подобных движений еще со времен «арабской весны» находится под большим вопросом. Координация политических протестов с помощью хэштегов (как *#blacklivesmatter*) или в фейсбук-группах продолжается. Но мы не называем революционными сами по себе булжники, хотя они и были превращены на время в оружие, оказавшись символом перемен определенного вида.

Затем следует проститься с метафорой интернета как медиа, способа отражения действий. Он оказывается отдельным медиа, только если мы предпринимаем отдельные усилия по сборке разнородных элементов. В основном же интернет используется как еще один способ исполнения практик.

31. Вслед за метафорами уходят прежние оппозиции, которые работали в связи с интернетом.

В целом пересмотру надлежит само разделение на физическое и виртуальное. Деметафоризация интернета, которая предлагается этим текстом, может послужить его включению в большую историю: и глобальную, и историю конкретных мест, где существуют многочисленные сетевые разработки. Более того, субъектом этой истории я предлагаю не считать пользо-

25 Описанный выше вывод может считываться как полностью политический. В некотором смысле он таков: предложить политизацию проблемы в качестве способа ее решения. Практический ответ на вопрос, как возможно сохранить возможность вариативности между онлайн и офлайн, заключается в том, что нужно политизировать сам этот вопрос. Это его анархо-консервативное решение. Оно полагается на утверждение о существовании практик и норм, а также агентность отдельных организаций и людей, а не на попытку изменить существующий большой порядок вещей. Но у этого текста есть и вывод на уровне идей, которые применимы к разным типам действия, необязательно политического и необязательно отсылающего к описанной позиции.

вателя, так как он был субъектом предшествующего витка истории²⁶. Когда всякий человек в крупной стране с разветвленной бюрократией волей или неволей включен во взаимодействие с интернетом, он перестает быть отдельным «пользователем».

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ

РУИНА И ИНФРАСТРУКТУРА:
КАК ИЗМЕНЯЕТСЯ ИНТЕРНЕТ
ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ

32. Интернет осуществляется – уже без помощи дополнительных уверений о гибридизации и слиянии онлайн-ового и офлайн-ового – как часть способа жизни.

Жизни-с-интернетом. Он существует не как отдельная технология, а как часть процессов, но не сводится к тем биополитикам и способам управления, которые возникают в нем как в руине²⁷.

Так город, будучи регулируемым пространством со светофорами и заборами, остается пространством для освоения, а горожане сохраняют возможность действовать даже в таких условиях. Примерно сто или даже больше лет назад к нему возникали вопросы, сходные с теми, что возникают с интернетом сегодня²⁸.

P.S.

Это эссе представляет собой коллаж из философских высказываний и художественных зарисовок. Такая форма выбрана, так как практиковать классическое академическое доказательство из ситуации, когда пандемия продолжается, едва ли возможно. Однако для ситуации после нее свидетельства изнутри ситуации могут оказаться интересными и ценными.

В школьных учебниках будущего этот период, вероятно, не будет обозначен как время оформления чего-то радикально нового, уже хотя бы потому, что само понимание новизны и изменений будет изменено, рассыпется на множество мелких сюжетов. Вытянется ли из него новое линейное время и кому это нужно, мы пока не знаем.

Но уже сегодня возможно раз-автоматизировать интернет и рассмотреть его по-новому.

выходя в интернет после снятия пандемических ограничений, многие переживали удивление.

вроде бы перед ними все тот же интернет.

но он может быть другим

вместо и вместе с городом.

26 Со всем уважением к проектам Кевина Дрисколла и Камиллы Палок-Берже, а также Ольги Лялиной, например. Их необходимость для переходного этапа сложно переоценить, однако пора сделать следующий шаг. См.: Дрисколл К., Палок-Берже К. *Указ. соч.*; LIALINA O. *Turing Complete User* (<http://contemporary-home-computing.org/turing-complete-user/>).

27 Данным утверждением я отчасти спорю с пониманием интернета, предложенным в тексте Эвелин Рупперт и Энгина Айсина в этом номере «НЗ».

28 Зиммель Г. *Большие города и духовная жизнь*. М.: Strelka Press, 2018.

